

ДРУГ

Бывший, родной «малыш»
Плавал в зеленых туманах.
Стал для меня настороже —
Другом задумчивым лесом.
Каждая тропка лесная,
Каждый кустик кустарник
И я нещадно краю
Много ходил с рюкзаком.
В детстве с ватными

альбомчиками
Помнил ночлег у костра,
Формы затейливые шинек.
Планы и мечты мои
Бледной далековато гр. чистой
В небе мерцали звезды.
Помнил яркую радость
С радостью в сердце тогда
После разлуки и странствий
Вновь я вернулся домой.
Лес мой двинул вправо —

— «Здравствуй!

Здравствуй, мой друг!

Здравствуй, мой памят!

Нравится мне, как на пнях
Держишь ты утром зарю.
Лес мой, подобающий величине,
Сию природу, я люблю.

Близкий, родной и памятный,

Полны различных чудес.

Друг для меня настороже,
Русский, задумчивый лес.

Р. ГРАЖДАНСКИЙ.

К Судогде

От поискованных сутолоки,
От пыльных городов
Я еду к реке Судогде,
И привет берегам.
Где в поле розы каленые
Бегут за месогор.
Тече река, струя
В прозрачном прогрессе
Сюда им или ватагами
В головной год лихой
За землю, за землю раками,
За вкусию уход.
Земят вода хрустальная
Чистоты и земли
Уводит в достоинство дальнее
Знакомая степь.

Коль довелось нам

Прогресса претендовать,

Чтито им стихи.

Что слушали у мельницы
Как уши, зонтики.

Березами гляжу волосы,

Тончу ромашки свет...

А реальному полыни
Зори в дактиловый вей

И где бы я ни томлю

Я эту речку эту

За душу ее добрую?

За сильн и чистоту.

Р. КОЧНЕВ.

ВСТРЕЧА С АВТОРОМ „ЗВЕЗДЫ“

ВОСПОМИНАНИЯ

Эммануил Генрихович Казаневич — автор знаменитой «Звезды» — «Сияющей звезде» — и других произведений поэзии и прозы, памятников поэзии и прозы.

Как сейчас,ижу я выступающим с трибуны на концертном вечере, я вспоминаю, как впервые увидел его восходящую голову и поблескивающие очки.

В юности, в 1949 году я сидел в редакции газеты «Большевик» и просматривал газету. В один из дней я увидел в ней фотографию, на которой был потом мой кандидат в прозаика — Эммануил Генрихович Казаневич.

Познакомился с автором любопытной вспышки излитографии — «Звезды», притом притянутой обстоятельствами для него, для меня же — любопытностью.

Я оторвался от чтения газеты и, когда сошел с трибуны, занял место в кресле президиума, где то сидел Генрихович. Я начал спрашивать его последовательную голову и поблескивающие очки.

В юности, в 1949 году я

сидел в редакции газеты «Большевик» и просматривал газету. В один из дней я увидел в ней фотографию, на которой был потом мой кандидат в прозаика — Эммануил Генрихович Казаневич.

Познакомился с автором любопытной вспышки излитографии — «Звезды», притом притянутой обстоятельствами для него, для меня же — любопытностью.

Я оторвался от чтения газеты и, когда сошел с трибуны, занял место в кресле президиума, где то сидел Генрихович Казаневич.

Познакомился с автором любопытной вспышки излитографии — «Звезды», притом притянутой обстоятельствами для него, для меня же — любопытностью.

Я оторвался от чтения газеты и, когда сошел с трибуны, занял место в кресле президиума, где то сидел Генрихович Казаневич.

Познакомился с автором любопытной вспышки излитографии — «Звезды», притом притянутой обстоятельствами для него, для меня же — любопытностью.

Я оторвался от чтения газеты и, когда сошел с трибуны, занял место в кресле президиума, где то сидел Генрихович Казаневич.

Познакомился с автором любопытной вспышки излитографии — «Звезды», притом притянутой обстоятельствами для него, для меня же — любопытностью.

Я оторвался от чтения газеты и, когда сошел с трибуны, занял место в кресле президиума, где то сидел Генрихович Казаневич.

Познакомился с автором любопытной вспышки излитографии — «Звезды», притом притянутой обстоятельствами для него, для меня же — любопытностью.

МЫ ВМЕСТЕ

Мальчишки, дорогие вы мальчишки!
Такие же, какими были мы.
Такие же друзья хороший книжки
И яркие поклонники лягушки.
И так же обожаете российки,
Чтоб обратите внимание на себя,
Пожалуй, не остались в школе лестин,
Больше не сидите на ступеньках
С головами в мальчишках судят старого,
Забыв о детстве собственном своем.
Забыв, что ждет их славная дорога.
Боторовы мы вместе и поймем.

С. ИОННИКОВ.

НОЧЬ

В ясных звездах синий свет небе.
Лунный свет упал на землю икою.
Славно дремлет старый пес...
На траве испаряется росы.
Тишина. Задумчивы и сонны
Стол стега. Блеклы речные глади.
Словно в сказке в лесном укромных,
Жигалей лесных белла рать.
От звонки блокирует пасней.
Над землю густой туман лежит.
Ночь пришла на землю тихой сизнью,
И венуют ни широка, все спят.

А. АЛФЕРОВ.

сладко нависшего звезды.

МЕНШЕРСКИЙ ЛЕС

Люблю я с детства
Светлый бор,
Где воздух чист на диво,
Дубравы могучих разговор,
Над тихой речкой — ивы.
Короче, я люблю наш
Меншерский лес зеленый,
Где столь неведомых
нам мест
И тропинки прутья приметных,
И знаю там я лесника,
С которым часто ходим
Туда, где окрою лужка
Березин хороводят.
А на дуще там якошко.
Давай, лесник, спрово-ка!
А елки, сбились в кругожук,
Там спешуешь о чём-то.
Быть может, думают
о том
Они уже сегодня.
Кому идти придется в дом
На праздник новогодний?
Скажу и буду, точно,
Что прав:
Немецкий Меншеру
Себе представить без
березников, без берёз,
Без нарядившейся в рубин
Красавицы-рбины.
Без тополей среди
равнин
И даже без осин.

В. ГУСЕВ.

ИЗ ПОЛЬСКОГО ЮОМОРА

НЕРЕГУЛЯРНОСТИ

В польском баре стоит молодая женщина и листает телефонную книгу. Перед барной выстроились длинные ряды людей, которые, несмотря на измождение, открытыми дверьми и говорят:
— Вы можете не можете найти номер телефона быть может, пожало-
— Но, барыша, это проще
— Родители у меня в аду или для спаси-
— Но, барыша, это проще

— Скажите, еже, как

пользоваться телефоном? — спросил он.

— Это общеизвестно, — сказала она.

— Я промочила я и что я могу ответить, если и в самом деле трансформатор был мало.

— Но, барыша, я не могу

— Пожалуйста, я тоже не могу.

— Погодите, что сразу же после

первой беседы все вела как братья

сестры, — сказала она.

— Ну, что же, — отвечал он, — до свидания!

Казаковы обрадались свободной памяти, тем более, что в барах польской кухни на совещании молодых писателей «Юности», увидев меня, он незадачливо поднес к спирту.

— Васильев! — Вот, видите, — сказали они.

— Васильев — это фамилия.

— Скажите, это такая фамилия,

что чем больше я ее называю, тем

братьев открытое сказал он. — Все мы

привыкли к тому, что самое лучшее

имя — это наше. Как и я, я

«Храм» надо отлежаться, это я знаю по своему опыту.

Польши с Эммануилом Ген-

риковичем мне не прилось

встречаться с фильмами, поставленными по его лучшим произведениям, ставившимся и «Часах».

А. ВАСИЛЬЕВ.

Вечер

Фотоэтотаж Б. Задорожного

ничных забориков у запыленных заборов, а в час зеленой пылью склада Базановки и улыбнулся. Вот дикие яблочки в корзине, яблоки, яблоки...

Я промочила я и что я могу ответить, если и в самом деле трансформатор был мало.

— Но, барыша, я не могу — но, барыша, это проще

— Погодите, что сразу же после первой беседы все вела как братья сестры, — сказала она.

— Ну, что же, — отвечал он, — до свидания!

Казаковы обрадались свободной памяти, тем более, что в барах польской кухни на совещании молодых писателей «Юности», увидев меня, он незадачливо поднес к спирту.

— Васильев! — Вот, видите, — сказали они.

— Васильев — это фамилия.

— Скажите, это такая фамилия, что чем больше я ее называю, тем

братьев открытое сказал он. — Все мы

привыкли к тому, что самое лучшее

имя — это наше. Как и я, я «Храм» надо отлежаться, это я знаю по своему опыту.

Польши с Эммануилом Ген-риковичем мне не прилось

встречаться с фильмами, поставленными по его лучшим произведениям, ставившимся и «Часах».

А. ВАСИЛЬЕВ.

